

ох IV (см. об этом: Дьяконов, История Мидии, стр. 41).

Встречаюся изредка неточные транскрипции⁴¹ и частные утверждения. В частности, никак нельзя согласиться с автором в том, что Бисутунская и другие древнеперсидские надписи написаны на разговорном древнеперсидском (стр. 99). Разговорный древнеперсидский нашел отражение в иранских заимствованиях в эламском, и он сильно отличался от языка надписей, носящего, несомненно, арханческий, торжественный характер и, безусловно, испытавшего весьма значительное влияние мидийского языка и, вероятно, мидийской письменной традиции.

Книга, к сожалению, изобилует опечатками, далеко не все из которых исправлены в приложенном списке⁴² (редактор издательства Н. Н. Ермолаева). Лучше было бы обойтись совсем без иллюстраций, чем печатать их в том виде, как они помещены в книге. Эти погрешности тем более досадны, что рецензируемая книга представляет собой значительный вклад в историческую науку.

Удачен приложенный к книге перевод Бисутунской надписи, включивший все новейшие уточнения. Он сделан хорошим

русским языком⁴³; хотя автора можно обвинить в некоторой вольности, но принципиально правильно, что он не счел нужным последовать за дурной востоковедной традицией — оставлять синтаксис подлинника без перевода, так как почему-то полагают, что перевод косноязычный и малопонятный научнее грамотного. Хотя одним из достоинств книги является широкое использование эламской и аккадской версий Бисутунской надписи (в то время как многие иранисты игнорируют их, иной раз тщетно и произвольно пытаясь истолковать персидское выражение, совершенно ясно переведенное в аккадской версии), тем не менее в переводе автор не счел нужным, хотя бы в примечаниях, дать дополнения⁴⁴ и другие варианты, приводимые в аккадской, арамейской и эламской версиях. Неудобством перевода надписи у автора является отсутствие нумерации параграфов, в то время как все исследователи при цитировании Бисутунской надписи ссылаются именно на эту нумерацию (в том числе и сам автор книги).

В целом же тщательный, строго логический анализ истории Ирана в VI в. до н. э., проделанный М. А. Дандамаевым с привлечением всей огромной литературы вопроса (не исключая малоизвестных и старых трудов), а также источников как на античных, так и на восточных языках, представляется нам крупным достижением в области истории древнего Ирана.

И. М. Дьяконов

⁴¹ Например, hamīθiya (стр. 217—hamī-
ciya), Bahistun (стр. 17—Bahistūn), anrō
mainyuš (стр. 241—anhrō mainyuš), niha-
sim, nihsin (стр. 214—nōkāsīm, niksīn;
кстати говоря, слово это заимствовано из
акк. nikkassu «счет, касса», шум. nīg-šid,
что, вероятно, надо читать nīg-gazx, и ни-
когда не означало «скот»).

⁴² Многочисленны опечатки в греческом
и отчасти в транскрипционных текстах.
В переводе Бисутунской надписи на стр.
268 выпала строка, а другая строка по-
вторена дважды.

⁴³ Неудачным приемом является отсут-
ствие унификации в переводе одного и того
же термина подлинника: например, kāra
переводится то «войско», то «народ». Этим
в перевод вносится элемент субъективно-
сти.

⁴⁴ Например, число убитых и пленных,
вариант § 70 и др.

«Питання класичної філології», випуск перший, Львів, В-во Львів-
ського ун-ту. 1959, 80 стор.; випуск другий, 1961, 156 стор.; випуск
третій, 1963, 142 стор.; *«Публій Овідій Назон. До 2000-річчя з дня
народження»*, Львів, В-во Львівського ун-ту, 1960, 102 стор.

С 1959 г. в Львовском государственном университете благодаря оживлению научно-исследовательской работы на кафедре классической филологии, возглавленной проф. С. Я. Лурье, и энергичной организаторской деятельности доц. И. У. Кобова начал выходить сборник «Вопросы классической филологии» («Питання класичної філології»)¹. Всего до 1963 г. вышло три выпуска и отдельный сборник, посвященный 2000-летию юбилею Овидия (в 1960 г.).

¹ Сборник печатается на украинском языке. Цитаты из статей и названия их переведены автором обзора.

Нельзя не отметить роста (и количественного, и качественного) рецензируемого сборника. Если первый выпуск содержал лишь работы, выполненные на кафедре классической филологии Львовского гос. ун-та, то в последующих принимали участие преподаватели других вузов нашей страны и Польской Народной Республики. Расширилась тематика исследований, значительно улучшилось качество публикуемых переводов.

Первый выпуск сборника открывается статьей И. А. Баглая «Языковые средства комического в комедиях Аристофана». Автор положил в основу исследования указания схолий о приемах, благодаря которым до-

стигается комический эффект (γίνεται δὲ ὁ γέλως). Схолии подразделяют эти приемы в основном на две группы: ἀπὸ τῆς λέξεως и ἀπὸ τῶν πραγμάτων. В этой своей статье автор рассматривает только первую из этих двух групп приемов комического, к которой относит омонимы, синонимы, многословие, диалектизмы, речь иностранцев, ласкательные слова и т. д. Однако автор не пытается связать их с тенденциями комедий Аристофана. Он только комментирует и перечисляет средства комического.

Вопросу «романизации» образа раба в комедиях Плавта посвятил очень интересное исследование Я. Н. Коржинский. По мнению автора, плавтовский тип раба создан под влиянием: 1) аттического типа раба греческих оригиналов комедий Плавта; 2) комических и буфонно-гиперболистических средств творчества Эпихарма; 3) фантастико-карнавальных и буфонно-балаганских элементов аристофановского образа шута-бомолоха; 4) элементов римской действительности; 5) возможно, творчества Невия и народной комедии *fabula atellana*.

Автор использовал все советские и доступные зарубежные работы. Однако не всегда положения статьи в достаточной мере убедительны. Например, вряд ли можно говорить о непосредственном влиянии произведений Эпихарма или Аристофана на плавтовский тип раба. В нашем распоряжении лишь незначительное количество фрагментов Эпихарма и не слишком много комедий Аристофана (равным образом, как и писателей средней и новой комедии).

Статью И. У. Кобова о латинской терминологии падежей отличают всестороннее знакомство с источниками и литературой вопроса, строго научный подход. Автор детально рассматривает названия падежей в латинском языке и воздействие латинской терминологии на украинскую и русскую.

Влияние античного фольклора на сказку об Амуре и Психее в романе Апулея рассматривает Ю. Н. Кузьма². Работа Ю. Н. Кузьмы продолжает традиции отечественных исследователей, изучавших античную литературу в тесной связи с народным творчеством. Она привела много параллелей с различными вариантами античных сказаний, и, видимо, трудно найти такие места в античной литературе, на которые автор не обратил бы внимание. Построение статьи, однако, не во всем удачно. Зачем, например, понадобилось на трех страницах (стр. 40—43) пересказывать всем известные две главы из романа Апулея? Ра-

бота только выиграла бы от рассмотрения не затронутых в ней вопросов об изучении фольклорных мотивов в античном романе, о влиянии на произведение Апулея не только фольклорных, но и литературных традиций (Лукиан и Лукий Патрский)³.

Исследование С. Я. Лурье «К вопросу о происхождении условного союза *ei* в греческом языке» связано с полемической книгой Табакова (Homerische *ei*-Sätze, Lund, 1951). Автор не ставит своей задачей разобрать вопрос о происхождении придаточных условных предложений — его интересует происхождение частицы *ei*, использованной на определенной стадии развития языка для введения придаточных предложений. С. Я. Лурье принимает во внимание те случаи, когда никакого главного предложения, которому были бы подчинены придаточные предложения, перед *ei* нет, и высказывает предположение, что гомеровское *ei* со значением «ой! ух!» — лишь сокращенная форма междометия *eiα*, имеющего тот же смысл.

История глаголов **do* и **dhe* в латинском языке стала объектом исследования М. Ф. Резниковой. Ей удалось показать, что эти глаголы прошли долгий путь развития от полнозначных глаголов к детерминативам, которые в иных случаях полностью потеряли самостоятельное значение. Автор высказывает предположение о том, что на определенном этапе развития латинского языка эти слова употреблялись как служебные для образования глагольных форм.

Завершает первый выпуск статья Е. И. Скоробогатой «К вопросу о происхождении синтаксической конструкции *ablativus absolutus*». Автор отмечает различные взгляды на происхождение этой синтаксической конструкции в латинском языке (В. Дельбрюк, К. Бругман, И. Классен) и присоединяется к взгляду И. Вакернэгеля, что она существовала уже в общепалеоиндоевропейскую эпоху. Е. И. Скоробогатая полагает, что большую роль в возникновении интересующей ее синтаксической конструкции сыграл падеж *instrumentalis*, а также *locativus temporis*, от которых в латинском языке сохранились только следы. Автор исследует *ablativus absolutus* в произведениях Плавта, считая их важным источником для изучения процесса формирования этой конструкции.

Сборник, посвященный Публию Овидию Назону, отличается по типу издания от «Питань». Это видно хотя бы из того, что открывается он стихами львовского поэта А. Волощак. Затем следует научно-популярная статья И. У. Кобова, которая рассказывает о жизненном и творческом пути Овидия, и лишь после нее помещена уже сугубо специальная статья

² Отметим, что недавно в журнале «Das Altertum» (IX, 1963, стр. 97) появилась работа: W. Woeller, *Der Märchentyp von Amor und Psyche und die Gestalt des Tierbrautigams*. Однако автор ее не использует выводов Ю. Н. Кузьмы, высказавшей гораздо раньше аналогичные взгляды.

³ Как это сделано в диссертации Ю. Н. Кузьмы «„Лукий“, Лукиана и „Метаморфозы“ Апулея» (Львов, 1959) и ее работе «Побутовый роман в античности» (Львов, 1958).

Л. П. Чурылык «Образ Геро и Леандра у Музея и Овидия». Автор вновь ставит вопрос о существовании произведения, которое, как полагали Кнаак, Клемм, Мантейфель и другие, оказало влияние на обоих поэтов. Автор не решает этот вопрос окончательно. Из работы мы не видим, разделяет ли автор взгляд Мантейфеля или взгляды Клемма и Кнаака. Степень зависимости Овидия от эллинистического поэта, — то ли Каллимаха, то ли кого-то другого из того же круга, — нельзя считать до конца выясненной. Даже в тех случаях, когда время сохранило для нас разработку мифа и у Каллимаха, и у Овидия (например, миф об Аконтии и Кидиппе), о влиянии Каллимаха на Овидия можно говорить лишь с большой осторожностью, как показывает исследование Колетти⁴. Маловероятным же кажется мне предположение, что в Риме до Овидия прославился своими любовными посланиями Проперций. Ссылка на письмо Аретузы к Ликоту не может служить достаточно убедительным аргументом в пользу такого взгляда. Возможно, что это письмо написано под влиянием Овидиевых посланий. Вряд ли Овидий мог заявить в кругу поэтов, среди которых был и Проперций, о впервые введенном им в римскую литературу новом литературном жанре посланий⁵, если бы тот был родоначальником этого жанра. Рассказы Музея и Овидия о Геро и Леандре сопоставил Ф. Ф. Зелинский⁶, и автору статьи, присоединяющемуся к его выводам, следовало бы это подчеркнуть. К сожалению, автору осталось неизвестным интересное исследование М. Е. Грабарь-Пассек о Геро и Леандре⁷. Работа Л. П. Чурылык не содержит новых выводов, автор в основном повторяет уже высказанные ранее взгляды.

Полная картина фонетических и морфологических особенностей существительных греческого происхождения у Овидия дана в статье Е. И. Скоробогатой «Собственные имена и названия греческого происхождения в лексике „Метаморфоз“ Овидия». Автор показывает, что греческие заимствования в поэме Овидия можно подразделить на две группы: 1) ранние, которые изменили свою форму либо под влиянием фонетических законов развития латинского языка, либо благодаря посредничеству других народов (например, этрусков) в пере-

даче греческих слов, и 2) более позднего происхождения, которые проникли из письменных, литературных памятников греческого языка; эти заимствования не подчиняются фонетическим законам развития латинского языка и сохраняют греческие надежные окончания (-e, -en, -es, -a и т. п.). Е. И. Скоробогатая обращает внимание также на слова-гибриды, первым компонентом которых служит греческий корень, а вторым — латинский. Интересны замечания автора о словах негреческих, выступающих в греческой форме, разбор названия реки Тибр.

И. У. Кобов выступил в этом сборнике еще с одной статьей — «Изображение населения и природы Западного Причерноморья в произведениях Овидия», где собрал весь относящийся к этому вопросу материал.

Странное впечатление производит работа Ю. Ф. Мушака «Овидий в „Поэтике“ Феофана Прокоповича». Из 16 страниц работы 12 заняты латинским текстом «Поэтики» без комментариев и без какой-либо интерпретации, а за ним следует заключение: из приведенных примеров видно, что из латинских поэтов наиболее популярен в XVI и XVII веках на Украине наряду с Горацием был Овидий. Несомненно, раскрытие темы, указанной в заглавии, требовало более глубокого исследования. Жаль, что автор не перевел цитированные отрывки из Феофана Прокоповича.

Статья Т. И. Пачовского «„Метаморфозы“ Овидия в украинской литературе» исследует главным образом различные переводы этой поэмы на украинский язык.

В статье С. Я. Лурье «Пушкин и русские революционеры-демократы о Вергилии и Овидии» показано отношение Пушкина и революционеров-демократов к двум поэтам «золотого века» римской литературы. Оно, по мнению автора, связано с антимонархическими взглядами передовых русских писателей первой половины XIX в. Вергилиева «Энеида» с ее явной промонархической тенденцией оставалась им холодными, а Овидий, сосланный Августом, напротив, возбуждал симпатии, и сосланный на юг Пушкин даже сравнивал свою судьбу с судьбой Овидия.

Обзору неопубликованного исследования И. Я. Франко «Публий Овидий Назон в Томиде» и переводах из произведений Овидия, которые включены в эту статью, посвятил свою работу И. П. Дидык. Она представляет интерес для филологов и до настоящего времени остается единственным источником информации об этом произведении выдающегося украинского поэта.

И. Ю. Гузар озаглавила свою статью «Овидий и немецкая литература». Однако, хотя это и не оговорено в заголовке, автор рассматривает немецкую литературу лишь до начала XIX в. Изложение (что, впрочем, неизбежно, когда приходится излагать такую тему на десяти страницах) весьма схематично и часто ограничивается

⁴ M. L. Coletti, Aconcio e Cidippa in Callimaco a in Ovidio, «Rivista di cultura classica e medioevale», IV (1962), Roma, стр. 294.

⁵ Ars amat., III, 346: ignotum hoc aliis ille novavit opus. О круге Овидия времени создания его первых произведений см. Trist., IV, 10, 40 слл.

⁶ О в и д и й, Баллады-послания, М., 1913, стр. 256 сл., ср. статью Л. П. Чурылык (стр. 25).

⁷ М. Е. Грабарь-Пассек, Геро и Леандр, ВДИ, 1949, № 3, стр. 178—184.

сухим перечнем фактов. В статье отражена литература вопроса лишь до 1908 г.

В сборнике опубликованы переводы из произведений Овидия. История Дедала и Икара в украинском переводе Ю. Н. Кузьмы сохраняет свое очарование и прелесть. Переводы М. И. Билька близки к подлиннику, но ему не всегда удается передать дух поэзии Овидия.

В 1961 г. на кафедре отмечалось 70-летие С. Я. Лурье и второй выпуск «Вопросов классической филологии» являет собою своего рода *харістрія*. В нем опубликована статья ленинградского филолога Я. М. Боровского о жизненном и творческом пути выдающегося советского ученого. Я. М. Боровскому принадлежит и заметка «К Саллюстию, Cat. 20,2», в которой автор на основании тщательного анализа и привлечения ряда параллельных мест приходит к выводу о правильности чтения *forent*, а не *foret*.

Опубликованные в этом (как и в последующем) выпуске работы И. А. Баглая, М. Ф. Резникова, Е. И. Скоробогатой продолжают их исследования, напечатанные ранее. Так, в статье И. А. Баглая «Сюжетные средства комического в комедиях Аристофана» продолжен разговор о сценических приемах аттической комедии. Эта работа, на наш взгляд, несколько слабее опубликованной в первом выпуске: автор занимается не всеми сценическими приемами комического и лишь в самых общих чертах.

Как мы указали, М. Ф. Резникова в первом выпуске сборника закончила свою статью замечанием, что глаголы **do* и **dhe* могли выступать в функции служебных. Развивая эту мысль, она рассматривает глаголы *do* и *eo* в функции вспомогательных для выражения активного и страдательного залогов.

Заслуживает внимания статья Е. И. Скоробогатой «Явление народной этимологии в латинском языке». Анализ подобранного ею материала показывает, что с фактами народной этимологии мы чаще всего встречаемся в словах иностранного происхождения (главным образом греческих), непонятная форма которых вызывала у римлян ассоциации с различными латинскими словами. Гораздо меньше случаев народной этимологии можно найти в словах латинского языка. Автор указывает, что народная этимология была основанием для этимологий римских лексикографов и грамматиков. Работа выполнена тщательно, добросовестно и со знанием литературы вопроса. Можно, однако, пожалеть, что автор не использовал новейшее издание этимологического словаря греческого языка Фриска.

Интересна работа И. У. Кобова «Происхождение грамматических терминов *supinum*, *gerundium*, *gerundivum*». Теме, которую он поднимал в своей статье, не уделяли до сих пор достаточного внимания. Автор показывает долгий путь формирования на-

званных терминов, широко привлекая разнообразный материал источников и исследований.

Долго изучавший творчество Плавта Я. Н. Коржинский опубликовал во втором выпуске статью «О сущности, генезисе, использовании сценического приема „бегущего раба“ (*servus currens*) в античной комедии». Автор пересматривает выводы Конрада Вайсмана, посвятившего этому персонажу специальное исследование «*De servi currentis persona apud comicos Romanos*» (Gissae, 1911). Как предупреждает автор статьи, предметом его исследования является не сценический образ «бегущего раба», а сценический прием. Я. Н. Коржинский рассматривает характерные признаки сцен с *servus currens* и детально разбирает вопрос о происхождении таких сцен, привлекая материал недавно найденной комедии Менандра «Нелюдим». Исследователь не только отмечает разницу между оформлением сцен такого типа у Плавта и Теренция, но и делает попытку объяснить ее. Выводы автора основаны на тщательном анализе произведений. Смерть помещала талантливому исследователю античной комедии публиковать его дальнейшие работы. Это большая потеря львовских филологов.

Статья С. Я. Лурье «Архилох»⁸ — плод долголетнего изучения поэзии Архилоха и античных свидетельств о поэте. Автор останавливается на жизнеописании одного из самых выдающихся представителей античной ямбографии, раскрывает его общественно-политические взгляды и объясняет их корни. Так, причину антидемократической ориентации Архилоха автор видит в страхе перед тираннией. Конечно, некоторые выводы автора обусловлены современным состоянием материала — новые папирусные или эпиграфические находки могут их не подтвердить. На современном этапе наших знаний статья является новым словом в изучении поэзии VI в. до н. э.

Статью о языковых средствах комического у Плавта опубликовал В. Е. Милясевич. Она представляет собой сокращенное изложение нескольких глав диссертационной работы. Сразу же отметим, что автору следовало бы остановиться на критериях, которыми он пользовался при квалификации того или иного художественного приема как комического, что особенно важно, когда речь идет о языковых приемах. Возможно, следовало уделить внимание и античным, главным образом римским, теориям комического (конечно, в самых общих чертах). Автор собрал и удачно сгруппировал большой материал. Он выделяет следующие приемы: аллитерация, *omoteleuta*, уменьшительные суффиксы, эпитеты, метафоры, сравнения

⁸ В несколько переработанном и дополненном виде опубликована (под названием «*Zu Archilochos*») также в журнале «*Philologus*», 105 (1961), стр. 178—197.

омонимы и омофоры, словообразование, использование слов и выражений из других языков, гиперболы, пародия, разнообразие фигуры (antithesis, oxymoron, paradoxon, congeries, personificatio, annominatio, traductio, repetitio), диалог. Во всех случаях приведены примеры — их не слишком много, но мы не можем забывать, что статья — только сжатое резюме большей работы.

Статья Х. Я. Леккера «Проблема стиля у Квинтилиана» написана очень сжато и излагает тему только в главных, наиболее существенных чертах. Может быть, поэтому автор не рассматривает большую литературу вопроса и не упоминает ни одной зарубежной работы последних 20 лет. Сущность стилистической школы Квинтилиана автор определяет как синтез классического стиля Цицерона и стиля умеренных представителей «модернистического» направления. Квинтилиан обосновал оппозицию против «нового» стиля и сделал возможным отнесение его.

Н. И. Безбородько в своей статье «И. В. Нетушил — исследователь латинского языка» рассматривает деятельность одного из выдающихся русских филологов-классиков XIX в. Н. И. Безбородько основательно изучила как труды И. В. Нетушила, так и исследования по латинскому языку в современной ему зарубежной науке. Автор на конкретных примерах показывает, что И. В. Нетушил в ряде случаев предвосхитил взгляды зарубежных ученых, и, таким образом, отечественной филологической науке принадлежит приоритет по ряду вопросов исследования латинского языка.

Во втором выпуске сборника напечатана статья М. С. Думки «Яды и противоядия в медицине народов Северного Причерноморья античной эпохи». Работа эта, видимо, привлечет внимание историков медицины, но помещение ее в «Вопросах классической филологии» вряд ли оправдано, тем более, что научная методика автора — не всегда на должном уровне. Автор зачастую некритично относится к сообщениям античных авторов, не во всех необходимых случаях ссылается на источники (так, убедительным доказательством влияния на Геродота скифских врачей была бы ссылка на источник, а не на «Историю медицины»).

Раздел переводов представлен во втором выпуске «Питань» работами В. Маслюка, А. Содоморы, Ю. Сака, М. Билыка. Последний опубликовал перевод с латинского языка большой поэмы польского автора XVI в. Себастьяна Кленовича «Роксолания», которая содержит ценные сведения об украинских землях. На наш взгляд, к переводу следовало добавить небольшой вводный очерк, в котором рассказать о поэме и ее авторе (а не ограничиваться пятью строчками примечания). Если о Героде, Горации, Персии (переводы которых тоже опубликованы в сборнике) можно найти достаточно сведений в любом руко-

водстве по античной литературе, то поэма «Роксолания» не настолько известна. Необходимо добавить, что некоторые исследователи искажали тенденции поэмы. Отметим, что опубликованный перевод «Роксолании» представляется нам гораздо лучшим, чем переводы того же автора из Овидия.

Хорошо перевел вторую сатиру Персия размером подлинника Ю. Сак. Заслуживает высокой оценки также и перевод из Горация, выполненный А. Содоморой. В сравнении с этими переводами особенно четко видны недостатки переводов В. Маслюка из Герода. Переводчик не чувствует своеобразие его поэзии. Иногда перевод напоминает подстрочник, уложенный в хольямбический размер. В. Маслюк старается переводить близко к оригиналу. Но всегда ли уместно это в практике перевода? К тому же переводчик античных авторов должен учитывать и интерпретации, предложенные исследователями отдельных мест переводимого автора. Читая перевод В. Маслюка, порой трудно понять украинский текст без греческого оригинала. Так, в третьем мимнаме учитель говорит (в украинском переводе):

Тебе купець не похвалив би та таког
В країні, що залізо там гризуть миші

Только читатель, хорошо знакомый с оригиналом, может понять подобный перевод. Ведь в оригинале (ст. 75 и сл.) читаем: *καὶ πρῶτος οὐδεὶς σ' ἐπαίνεσεν, οὐδ' ἔκως χόρης οἱ μὲν ὁμοίως τὸν σίδηρον τρώγουσιν*. В русском переводе Г. Ф. Церетели:

Выхвалять тебя даже
Торговец бы не стал; не жди хвалы также
И в той стране, железо где грызут мыши.

Когда Герод, подражая разговорной речи, не стал повторять *οὐδεὶς σ' ἐπαίνεσεν*, это понятно. Но дословный перевод затруднил понимание отрывка. Таких мест можно привести больше (I, 70—75; III, 50—52 и др.)⁹. Вряд ли выражение *λάθους τὴν γλῶσσαν ἐς μέλι πλύνας* (III, 93) соответствует украинскому «Язык для меду ты держи чистый». В III, 80 не сохранен хольямбический размер, а в I, 82 ошибочно поставленная запятая делает перевод бессмысленным. Наконец, такие словосочетания в конце строки, как «люблю любя», не продиктованы оригиналом и не украшают перевод. Конечно, выполненный в 1916 г. перевод И. Франко¹⁰ устарел, но тем более важно, чтобы новые переводы стояли на уровне современной филологической науки.

Из всех выпусков «Вопросов классической филологии», пожалуй, наиболее инте-

⁹ На неверность опубликованного перевода III, 50—52 мы обратили внимание в заметке «Herondas», III, 50—52» («Philologus», 107, 1963, стр. 315—316).

¹⁰ I в а н Ф р а н к о, Літературна спадщина, Київ, 1962, стр. 400—425.

ресен третий. Он состоит из трех частей 1) материалы и статьи к 2000-летию Гераклита; 2) статьи по разным вопросам и 3) переводы.

Гераклитовский отдел открывает статья А. И. Пашука «Гераклит — выдающийся материалист и диалектик античности». Автор в доступной форме излагает философские взгляды Гераклита, не касаясь, однако, спорных проблем и вызванной ими полемики.

Работа С. Я. Лурье «Гераклит и Демокрит» рассматривает античную традицию о плачущем и смеющемся философах. Автор показывает то общее, что было между Гераклитом и Демокритом. С. Я. Лурье считает, что возникновение античной традиции, противопоставляющей Гераклита Демокриту, связано с различным мировоззрением обоих философов, с принадлежностью их к различным общественным группировкам различных эпох. Пессимистическая теория Гераклита, лишавшая людей как всякой надежды на лучшее будущее, так и веры в милосердие божества, вызвала возмущение у сторонников идеалистически-религиозного направления. В то же время ее осуждали и материалисты-атомисты, приверженные к идее всемогущества человека и непрерывности прогресса. Поэтому Демокрит, который, несмотря на тяготы жизни, уверенно смотрел в светлую будущность человека, представлялся последующим поколениям смеющимся философом, а Гераклит, видевший в жизни бесконечную и бесцельную борьбу и изменение, плачущим пессимистом.

Изучению связи Гете с философскими воззрениями Гераклита посвятила свою статью «Гераклит и Гете» И. Ю. Гузар. Ограничив сферу своего исследования творчеством Гете, автор сумел более полно, чем в рассмотренной выше статье, осветить интересующий его вопрос. Однако интересная в целом работа не лишена недочетов. И. Ю. Гузар игнорирует работы зарубежных ученых, исследующих творчество Гете. Отметим далее, что отрывок из второй части «Фауста» (II, 3957 сл.), цитируемый на стр. 29, не доказывает выдвинутого автором положения. И. Ю. Гузар пишет: «О тесной связи поэтического творчества Гете с идеями Гераклита свидетельствует вторая часть драмы „Фауст“, где учение первых греческих материалистов о четырех элементах, в частности учение Гераклита об огне, прославляется как материальная основа космоса». Затем следует цитата из «Фауста» (в украинском переводе М. Лукаша). Как известно, во второй части «Фауста», точнее, в «Классической Вальпургиевой ночи», откуда взята эта цитата, речь идет о споре Фалеса и Анаксагора. Во всяком случае, автору следовало бы доказать, что приводимый отрывок имеет отношение к учению Гераклита. И. Ю. Гузар гораздо увереннее пользуется свидетельствами латинских и немецких авторов, чем подлинными фрагментами

Гераклита, которые цитируются в переводе Ю. Ф. Мушака. Автор не принимает во внимание, что очень часто цитируемые фрагменты связаны с различными интерпретациями, могут иногда существенно изменить и понимание связи Гете и Гераклита.

Несколько слов о переводе фрагментов Гераклита на украинский язык, выполненных Ю. Ф. Мушаком. Они несомненно удались, поэтические переводы превосходны. Все же хотелось бы отметить и их недочеты, которые легко устранимы. Так, следовало бы пользоваться единым термином для перевода греческого *φυσικός* (лат. *physicus*). Ведь на стр. 41 мы встречаем следующие переводы: «натурфилосов», «натуралістичний філософ» и даже «натураліст». Понятно, что все эти значения, как кажется, калькированные с немецкого *Naturphilosoph*, вряд ли уместны в переводе на современный украинский литературный язык, где, например, слово «натураліст» имеет несколько иное значение, чем «натурфилософ». Переводя слово *φυσικός*, характеризующее Гераклита, мы не должны забывать, что учитель Цицерона стоик Диодот, имевший возможность познакомиться с полным текстом Гераклита, говорил, по сообщению Диогена Лаэртца (IX, 15): «Сочинение Гераклита есть сочинение не о природе (*ὁ ἐφ' ἧς περὶ φύσεως εἶναι τὸ σύγγραμμα*), но о государстве: то, что он говорит о природе, приводится только в виде примера (*παράδειγμα τοῦ εἶδαι*)».

Следует заметить, что к концу перевода количество претензий к переводчику растет. На стр. 52 читаем: «Світло — Зевс, темрява — Пекло (Ад)» (*Hipprocr., de victu*, VI, 476 *Littre*). Этот модернизированный перевод вряд ли может удовлетворить читателя. В подлиннике — *φάος Ζηνί, αἴθερος Αἰδῶν*. Не говоря уже о том, что в переводе дательный падеж оригинала заменен почему-то именительным, отметим, что для отождествления античного Аида (его имел в виду, как видим из текста, античный подражатель Гераклита) с христианским адом нет ни малейших оснований. В тексте Зевс противопоставляется его брату Аиду. Если уж сохранить перевод Ю. Ф. Мушака, то лучше, нам кажется, сказать: «Світло — у Зевса (дано Зевсу), темрява — у Аїда». Перевод *Hipprocr., de nutrimento*, IX, 98 *Littre* неточен, вследствие чего затруднено понимание отрывка (следовало перевести не «види поживи», а «вид поживи»). Непонятен перевод другого отрывка из этого же произведения (№ 14). Наконец, эпитет Аполлона *Δόξιος* нельзя переводить «локийский» (стр. 57), не переводим же мы *Φαίβο*с — «февский». Непонятно, почему не все фрагменты, которые Дильс включает в свое собрание как подражания Гераклиту, переведены. Эти мелкие замечания, число которых можно бы и увеличить, вполне могли бы быть исправлены при более внимательном редактировании.

Другой раздел рассматриваемого сборника открывает статья И. А. Баглая «Влияние ямбической поэзии на стиль староаттической комедии». Автор убедительно, на конкретных примерах показывает, что некоторые приемы комического, на которые он обращал внимание в рассмотренных выше статьях, встречаются уже в ямбической поэзии VI в. до н. э., и поэтому можно ставить вопрос о влиянии ямбографов на Аристофана. Отметим, что в переводе 86-го отрывка Архилоха¹¹ вкралась ошибка, так как *δολοφρονέουσα* и *χειρί* нельзя согласовать, а *ἐφ' ὅρει* — не настоящее время, а прошедшее несовершенного вида. Вряд ли стоит античную драму сатиров называть «сатиричною драмою».

Статья И. П. Дидыка исследует 15-й дифирамб Вакхилида «Антенориды или требование выдачи Елены». И. П. Дидык полемизирует с учеными (У. Вилламовиц, А. Керте, И. Липсиус, Л. Цвиклинский), считающими, что этот дифирамб представляет собою лишь незначительную часть гораздо большего произведения. «Исследователи, — пишет автор статьи, — подошли к вопросу о композиции и объеме художественного произведения с точки зрения своих субъективных требований. Они не принимали во внимание своеобразие и особенностей этого жанра хорошей лирики. Характерной чертой дифирамба V в. до н. э. была эпизодичность в раскрытии изображаемых событий. Поэт только намекал на определенные события, вычерчивал общий фон, а слушатели такой лиро-эпической песни могли и должны были сами продолжить мысль поэта и сделать соответствующие выводы». Наиболее интересна в статье попытка показать, что 15-й дифирамб связан с политическими событиями в Кирене первой половины V в. до н. э. Такое понимание памятника несомненно заслуживает самого пристального внимания. Однако после знакомства с работой остается впечатление, что автор не все сделал для доказательства своего предположения. Так, И. П. Дидык дважды совершенно справедливо говорит о противопоставлении *ὑβρις* и *δίκη* в речи Менелая и отмечает, что такое противопоставление было характерно для поэзии и прозы конца VI — начала V в. до н. э. Приведем здесь этот отрывок¹², имеющий значение для интерпретации произведения:

53 ... ἐν μέσῳ κεῖται κίχιν ...
πᾶσιν ἀνθρώποις Δίκην ἰδεῖν ἀγνῶς
Εὐνομίας ἀκολούθον καὶ πινυτὰς θεμίτος ...

¹¹ τῇ μὲν ὄφρ' ἐφ' ὅρει δολοφρονέουσα χειρί θιγέτη δὲ πῶρ. Из Плуларха (Demetr., 35,6; de prim. frig., p. 950; de com. not., p. 1070 a) известно, что Архилох говорил о какой-то женщине (Необула?).

¹² По изд.: Baccchylidis carmina cum fragmentis ed. B. Snell, Lipsiae, 1958, стр. 54.

ἔξαισίσις θάλλουσι ἀθαμβῆς
ἔϋβρις ἃ πλοῦτον δυνάμιν τε θοῶς
ἄλλοτριον ὥπασεν, αὐτίς
δ' ...

ἔ53 ... παῖδας ὠλεσσαν Γίγαντας.

Не следует, однако, упускать из виду, что здесь противопоставлены не только *ὑβρις* и *δίκη*, но, кроме того, *εὐνομία* противопоставляется *κέρδος* и *ἀφροσύνη*. С *ὑβρις* связывается также *πλοῦτος δυνάμιν τε*. Если бы И. П. Дидык заинтересовался тем, что именно скрывается за этой терминологией в произведениях писателей конца VI — начала V в. до н. э., то он, возможно, по-иному взглянул бы на интересующий его дифирамб. Дело в том, что слово *ὑβρις*, в поэзии Феогнида, например, имеет вполне определенное значение, относясь к τῷ κακῷ ἀνδρὶ (Феогнид I, 43; 151; 835 и др.), и связано с *κέρδος*, *πλοῦτος*; иногда слово *δυνάμιν* заменяют его синонимы *βίη* и *κράτος*. Интересно также установить смысл, вкладываемый поэтом в слово *ὑβρις*. Автор полагает, что Вакхилид в дифирамбе выступает против царя Кирены Аркесилая, который нарушает начала, установленные Зевсом, и которым руководит *ὑβρις*. Вместе с тем И. П. Дидык обращает внимание на четвертую пифийскую оду Пиндара, которая адресована этому же Аркесилаю. Автор отмечает дружественные контакты Пиндара с политическим противником Аркесилая Дамофилом, поднявшим восстание около 464 г. Мы не можем согласиться с утверждением, что аллегория дуба в 264 стихе пифийской оды Пиндара указывает на связь власти Аркесилая с народом. Скорее всего, Пиндар советует Аркесилаю мягче относиться к своим противникам, в частности к Дамофилу¹³. В дальнейшем поэт говорит о Дамофиле: *κείνος γάρ ἐν παῖσιν νέος, ἐν δὲ βουλαῖς πρεσβύς... ἔμαθε δ' ὑβρίζοντα μισεῖν*. Последнее выражение имеет подлежащим при сказуемом *ἔμαθε* пропущенное имя Дамофила. Тогда слово *ὑβρίζοντα* с большой долей вероятности можно отнести к Аркесилаю. Это давало бы возможность предположить, как и делает И. П. Дидык, что и Вакхилид, говоря о *ὑβρις* и противопоставляя ее *δίκη*, имел в виду правление Аркесилая. Но возможно ли такое предположение? Мы знаем, что Вакхилид был постоянным конкурентом Пиндара и во многом с ним расходился. Если правильно предположение, что дифирамб Вакхилида связан с теми же событиями, что и ода Пиндара, то нельзя ли предположить, что Вакхилид отрицательно относился к восстанию Дамофила? При этом надо учитывать, что выступление Дамофила отражало недовольство определенной прослойки граждан в Кирене. Если

¹³ Ср. комментарий к этому месту в изд.: Pindari carmina, ed. W. Christ, Lipsiae, 1896, стр. 167.

бы удалось установить сущность этого выступления, было бы возможно сделать определенные выводы о направленности 15-го дифирамба. Можно было бы и поставить вопрос о том, не была ли полемика между Пиндаром и Вакхилидом связана и с различным отношением к политическим партиям их времени.

Полемика с VII главой книги И. М. Тронского «Древнегреческое ударение» (М., 1962) посвятил свою работу один из крупнейших специалистов по индоевропейской акцентуации польский ученый Е. Р. Курилович. Оценивая в целом положительно работу И. М. Тронского, он не соглашается с отдельными его исследовательскими приемами и в ряде случаев считает нужным дать свое объяснение того или иного затронутого им факта. Замечания Е. Р. Куриловича хорошо аргументированы.

В статье «К вопросу о происхождении греческого фольклора в эллинистическом Египте» В. П. Маслюк рассматривает интересный памятник народного творчества «Пророчество горшечника». Автор использовал большую литературу вопроса, но в основном ограничился пересказом ее, не давая ей принципиальной научной оценки. Можно полагать, что автор не разобрался как следует в самом существенном интересующей его проблемы — к творчеству какой народности следует отнести произведение. Ведь со времени публикации первых отрывков его ученые высказали различные предположения по этому вопросу. Так, Р. Рейценштейн¹⁴ думал об иранском происхождении памятника, другие ученые (У. Вилькен, В. В. Струве, С. Я. Лурье) привели, на мой взгляд, веские доказательства его египетского происхождения. Особенно следует отметить интересные исследования советских ученых С. Я. Лурье и В. В. Струве, изучавших «Пророчество» в различных аспектах. С. Я. Лурье интересовался связями произведения с народным творчеством древнего Востока. Он привел убедительные доказательства близости «Пророчества» к памятникам египетского фольклора¹⁵. Его указание, что играющие немалую роль в «Пророчестве» *Τουφίλοι* связаны с богом зла Сетом, как кажется, может служить подтверждением мысли об египетском происхождении памятника¹⁶. В. В. Струве, который старался

установить обстоятельства возникновения греческого варианта «Пророчества», на конкретных примерах показал, что отдельные слова и ситуации «Пророчества» могут быть гораздо лучше поняты, если предположить, что они переведены с египетского языка. Он указывает, что в греческих источниках горшечник нигде не выступает в качестве прорицателя, и высказывает мысль, что в греческом тексте слово *κεραμειός* является переводом египетских *kd* или *nhp*, обозначающих также и бога Хнум, создавшего на гончарном круге богов, людей, солнце¹⁷. Животным воплощением этого бога был овен, что дает основания связывать с «Пророчеством горшечника» известное «Пророчество ягненка». Высказанное В. В. Струве предположение не утратило своей научной ценности и сейчас¹⁸. В. В. Струве датирует перевод «Пророчества» временем Эвергета и полагает, что он был выполнен одним из египетских жрецов, чтобы его eventu прославить правление царя. Э. Лобель¹⁹, хотя и не отрицает египетского происхождения рассматриваемого памятника, все же считает его скорее переделкой, чем переводом. Эта мысль, не подтвержденная вескими аргументами, звучит недостаточно убедительно.

Итак, мы видим, что в настоящее время наиболее убедительными доказательствами располагают те, кто считает «Пророчество» переводом. Совершенно иную позицию занял В. П. Маслюк. Уже название его работы говорит о том, что он считает «Пророчество» памятником греческого фольклора в эллинистическом Египте. В начале статьи он утверждает, что «Пророчество» является единственным памятником греческого фольклора на территории эллинистического Египта. В дальнейшем, впрочем, он и сам опровергает себя. На стр. 82 читаем: «„Пророчество горшечника“ — продукт египетского народного творчества со всеми признаками, характерными для всей древней египетской пророческой литературы как по своему построению, так и по содержанию. Приписывать ему чисто греческое происхождение нет никаких оснований, ведь греческое народное творчество не знает аналогичных жанров». К сожалению, автор вновь забывает об этих своих словах, как только подходит к концовке произведения, где читаем: *κεραμειοῦ κεράνῃ κατὰ τὸ δοῦναι*. Автор считает эти слова измышлением переписчика, ссылаясь при этом на авторитет Рейценштейна и Лобеля. Но ведь Рейценштейн, отстаивавший иранское происхождение произведения, не

¹⁴ R. Reitzenstein und H. H. Schaeder, Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland, «Studien d. Bibliothek Warburg», hrsg. von F. Sahl, VII, 1926, стр. 52.

¹⁵ S. Luria, Die ägyptische Bibel, Joseph- und Mosessage, «Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft», 44, 1926, стр. 101 слл.; ср. C. C. McCown, Hebrew and Egyptian Apocalyptic Literature, «Harvard Theological Review», 18 (1925), стр. 375 слл.

¹⁶ S. Luria, Die Ersten werden die Letzten sein, «Klio», 22 (1929), стр. 107 слл.

¹⁷ V. Struve, Zum Töpferorakel Raccolta Lumbroso, Milano, 1924, стр. 273.

¹⁸ Издавший новый текст «Пророчества», найденный в Оксиринхе, Э. Лобель называет гипотезу В. В. Струве «блестящим предположением» (The Oxyrrhynchus Papyri, part XXII, L., 1954, стр. 90).

¹⁹ Там же, стр. 92.

В последнем отделе представлены переводы А. А. Содоморы из Алкея, М. И. Би-лыка из греческих лириков, Горация, Тибулла (им же переведена студенческая песня *Gaudeamus igitur*), Ю. Н. Кузьмы из первой книги «Метаморфоз» Овидия, П. С. Сгрильцова из Федра. Возможно, следовало бы упрекнуть отдельных переводчиков в чрезмерном буквализме или, напротив, в модернизации стиля. Наиболее удачны переводы А. А. Содоморы и Ю. Н. Кузьмы.

Автором настоящего обзора были напечатаны во втором выпуске «Питань» заметка «Феокрит XXII, 33» и в третьем выпуске статья «В. И. Ленин о Гераклите».

Этими сборниками не ограничивается публикация работ кафедры классической филологии Львовского университета. Издан выполненный А. А. Содоморой первый в СССР перевод новонайденной комедии Менандра «Нелюдим»²¹; работы И. У. Ко-

бова (о могиле Овидия на Украине) и И. И. Андрейчука (о деепричастиях в греческом языке) напечатаны в «Вестнике» университета. В аспирантском сборнике опубликованы работы В. П. Маслюка «Шевченко и античность» и Р. М. Оленича «Учение Дионисия Фракийского о языке».

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что на кафедре классической филологии Львовского университета ведется значительная работа, и результаты ее отражают рассмотренные выпуски сборника «Вопросы классической филологии». Хотя не все статьи и переводы, как мы видели, одинаково удачны, значение сборника велико. Он практически является единственным печатным органом по классической филологии в нашей стране. Выпуски «Вопросов классической филологии» свидетельствуют о желательности создания журнала по классической филологии и создают предпосылки для этого.

А. П. Смотрич

²¹ Менандр, Відлюдник, пер. А. О. Содомори, В-во Львівського ун-ту, 1962.

CHR. M. DANOFF, *Pontos Euxinus* RE, Supplb. IX, 1962, стб. 866 — 1175.

В IX дополнительном томе «Реальной энциклопедии классических древностей» Паули опубликована фундаментальная статья профессора Софийского университета, известного болгарского ученого Христо Милошева Данова «Понт Евксинский» — обширный труд, равный по объему (10 п. л. убористого текста) монографическому исследованию¹.

Выдающееся значение названной статьи заключается прежде всего в том, что она является первой в историографии исчерпывающей сводкой всех сведений о Черном море и причерноморских областях античной эпохи. В отличие от всех предшествующих сводок, связанных с понтийской тематикой, Хр. М. Данов не ограничил свою задачу приведением одних лишь сведений историко-археологического характера и не сузил тему узкими географическими рамками (Северное, Западное Причерноморье). В статье собраны обширные и разнообразные сведения о Черном море и окружающих его областях: по географии, геологии, климатическим условиям, фауне, флоре и т. д. и т. п. О широте материала и многоплановости исследования представление дает уже самый перечень вопросов, названных в оглавлении статьи, состоящей из 21 параграфа: 1. Краткое географическое описание Понта с важнейшими сведениями о географическом исследовании Чер-

ного моря (стб. 868—884); 2. Краткое географическое описание Черноморского побережья. Важнейшие картографические справочники (884—893); 3. Эскиз геологического развития Понта Евксинского (893—900). Здесь автор приводит также взгляды античных авторов на геологическое прошлое Черного моря и Черноморских проливов, а также Керченского пролива; 4. Рельеф дна и глубины. Древние известия о глубине Понта Евксинского (900—903); 5. Береговая линия Черного моря (903—919). В этом параграфе рассматриваются также взгляды античных авторов на береговую линию, приводятся данные о Понте Евксинском по периплам и перигезам римского времени и даются важнейшие сведения о предгорьях, окружающих Черное море; 6. Острова (919—922); 7. Реки, впадающие в Понт Евксинский (922—930); 8. Вода Понта Евксинского (930—932); 9. Поверхностные течения Черного моря; поверхностные и глубинные течения в Черноморских проливах (932—938); 10. Климатические условия на Понте Евксинском и его побережье с краткими ссылками на современные климатические условия (938—949); 11. Названия Понта Евксинского и его частей (950—955); 12. Рыбы и прочая фауна Черного моря. Рыболовство и охота на других морских животных в Понте Евксинском и охота на его берегах с краткими ссылками на современность. Значение рыболовства и охоты на дельфинов в Черном море для хозяйственной жизни античного мира и особенно Греции. Рыболовные орудия и методы рыболовства

¹ Краткая рецензия информационного характера опубликована мною в журнале «Вопросы истории», 1963, № 4, стр. 194.